

АСЕАН — Китай: от противостояния к диалоговому партнерству (1967–1991 гг.)

Е. С. ЖУРАВЛЕВА

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В статье восстанавливается хронология сложных взаимоотношений между Китаем и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии в период с 1967 до начала 1990-х годов.

Ключевые слова: КНР, АСЕАН, международные отношения, международная политика, противостояние, партнерство.

Среди факторов, накладывающих особый отпечаток на отношения Китая и стран — членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), можно назвать прежде всего наличие исторически сложившейся традиции китайской внешнеполитической экспансии в регионе. Отнюдь не случайно руководство Китая, особенно в период «культурной революции», заявляло, что рассматривает Юго-Восточную Азию в целом как традиционную сферу своего влияния, а ряд стран региона даже как «утраченные территории»¹.

Нельзя обойти вниманием и такой важный фактор, как многолетняя материальная и моральная поддержка Пекином повстанческих движений в странах Юго-Восточной Азии (ЮВА), во главе которых стояли местные компартии, а также судьбы и условия деятельности примерно 30 млн этнических китайцев (хуацяо), проживающих за рубежом, степень их ассимиляции, лояльность к странам проживания, их капиталы и т. д.

«Революционная дипломатия» Китая того времени, направленная на вмешательство во

внутренние дела других стран и свержение их правительств, усилила враждебность к нему².

Более того, стремление ряда стран ЮВА совместно противостоять принявшей в тот период особо экспансионистский характер ультралевой деятельности Пекина и его усилиям по наращиванию ядерного потенциала стало также одной из главных побудительных причин создания в 1967 г. самой АСЕАН.

Неудивительно, что во внешнеполитической ориентации стран АСЕАН на начальном этапе вполне отчетливо прослеживалась антикитайская направленность, которая постепенно стала одной из важных черт ее политического лица, что лидеры государств Ассоциации не очень-то старались скрыть. Так, в 1967 г. Рамос, министр иностранных дел Филиппин, в ответ на вопрос, откуда именно страны АСЕАН в первую очередь видят исходящую для себя опасность, заявил: «Здесь нет вопроса. От Китая».

Не способствовала установлению дружественных отношений между сторонами и вьетнамская война, в которой Китай оказывал по-

мощь Ханюю, в то время как ряд государств — членов АСЕАН (Таиланд и Филиппины) предоставляли базы сражавшимся в Индокитае американским вооруженным силам и даже посылали свои воинские контингенты для непосредственного участия в боевых действиях. Не случайна и реакция КНР, которая сразу же после создания Ассоциации осудила ее, назвав «антикоммунистическим союзом», направленным против Китая, революции и народа (Малетин, 1999: 141).

Специфика отношений КНР и АСЕАН заключается в том, что определенная нормализация отношений стала не столько следствием развития двусторонних связей, сколько результатом изменения международной обстановки в регионе.

Объективно провозглашение «Гуамской доктрины» Р. Никсона, которая фактически обосновывала отказ США от конфронтации с КНР, и американо-китайское сближение оказали непосредственное воздействие на страны АСЕАН, побуждая их ускорить процесс установления официальных отношений с КНР.

После завершения «культурной революции», покончив с периодом «хунвейбиновской дипломатии», и само пекинское руководство взяло курс на нормализацию отношений с государствами региона. В контексте этой политики Пекин не только изменил оценку АСЕАН, отказавшись от критики ее «проамериканской ориентации» и прекратил нападки на Ассоциацию, но даже заявил о своей поддержке этой региональной организации. Часть государств — членов АСЕАН не стала игнорировать инициативы «великого восточного соседа» и, следуя принципу «худой мир лучше доброй ссоры», положительно отреагировала на предложение пекинского руководства о развитии экономического сотрудничества и установлении дипломатических отношений.

По мнению исследователя из Лондонской школы экономики М. Яхуды, эта политика характеризовалась не столько стремление к установлению прямого контроля над пограничными, «буферными» государствами, сколько страхом перед возможным укреплением в них позиций сверхдержав — соперников Китая (Yahuda, 1986: 6). Поэтому принятие странами

АСЕАН в 1971 г. плана нейтрализации Юго-Восточной Азии, т. е. постепенной ликвидации там соперничества великих держав, и превращения ЮВА в зону мира, свободы и нейтралитета (ЗОПФАН) создавало предпосылки для налаживания их отношений с КНР. Последняя поддержала асеановскую концепцию автономизации региона, в котором Пекин стремился укрепить и расширить свое присутствие.

Страны — члены Ассоциации первоначально пытались выработать единую линию в отношении КНР. Антикитайское единство стран оказалось весьма эфемерным, что проявилось достаточно убедительно еще осенью 1971 г., когда в ООН по вопросу о приеме в ее члены Китая Малайзия и Сингапур высказались «за», Филиппины — «против», а Индонезия и Таиланд воздержались. Поскольку министрам иностранных дел АСЕАН не удалось выработать единого подхода к вопросу о сроках и формах нормализации отношений с КНР, было решено, что каждое государство станет решать самостоятельно, какие именно практические шаги оно предпримет.

Не случайно первой страной АСЕАН, с которой КНР установила отношения в полном объеме, стала Малайзия, где китайская община, степень ассимиляции которой чрезвычайно низка, — самая многочисленная по сравнению с другими государствами АСЕАН.

После визита в Пекин премьер-министра Малайзии в мае 1974 г. было опубликовано совместное коммюнике, в котором сообщалось о решении установить дипломатические отношения на базе принципов мирного сосуществования. КНР признала независимость и суверенитет Малайзии, которая, в свою очередь, обязалась впредь рассматривать правительство КНР в качестве единственно законного правительства Китая, а Тайвань — неотъемлемой частью КНР.

Нормализация китайско-малайзийских отношений открыла пути для установления дипломатических отношений Китая с Таиландом и Филиппинами. Причем эти две страны в 1975 г. исходили уже из новой ситуации, сложившейся в регионе после окончания войны в Индокитае и падения сайгонского режима, — Китай и свои контакты с ним они рассматривали

как противовес вьетнамскому и советскому влиянию в ЮВА.

Индонезия и Сингапур не спешили с нормализацией отношений с Китаем, несмотря на то что Китай, согласно сингапурской концепции сбалансированного присутствия в ЮВА всех держав, рассматривался Сингапуром как важный элемент равновесия сил в регионе, а политические и особенно экономические контакты с ним — как путь его умиротворения.

Нельзя забывать, что руководство Сингапура находилось в сложном положении, так как оно было вынуждено опровергать широко бытующее среди его партнеров по Ассоциации мнение о том, что этот город-государство — оплот политики КНР в ЮВА. В этой связи правительство Сингапура заявило, что оно последним среди асеановских стран пойдет на установление дипломатических отношений с КНР. Следует отметить, что отсутствие дипломатических отношений отнюдь не препятствовало поддержанию весьма интенсивных китайско-сингапурских политических контактов, в том числе и на высшем уровне. Сингапурский премьер-министр не раз бывал в Пекине, а в 1978 г. Сингапур с официальным визитом посетил Дэн Сяопин.

Несколько иначе обстояло дело с Индонезией, в политических кругах которой считалось, что китайская угроза региону существеннее, чем советская или вьетнамская. Отказ Индонезии от восстановления дипломатических отношений с КНР частично объяснялся прежде всего выгодами использования «таинственной китайской угрозы» для запугивания населения и подавления оппозиции. Вместе с тем явная или мнимая китайская угроза служила и важным аргументом для укрепления позиций Индонезии внутри АСЕАН.

В ноябре 1978 г. во время поездки заместителя премьер-министра Госсовета КНР Дэн Сяопина в Таиланд, Малайзию, Сингапур премьер-министр Таиланда К. Чаманан потребовал, чтобы Пекин изменил политику в отношении хуацяо, прекратил помогать пропекинским группировкам.

Несмотря на то что отношения стран АСЕАН с Китаем не приобрели широкого размаха и не все они имели с КНР дипломатические отношения, после 1975 г. начался процесс посте-

пенного избавления от заложенной некогда в АСЕАН антикитайской направленности.

После объединения Вьетнама и образования СРВ в 1976 г. основным направлением внешней политики КНР в ЮВА стала борьба против «советской и вьетнамской угрозы», к которой Пекин хотел подключить АСЕАН. Однако эти попытки вызывали вполне оправданную настороженность. Лидеры АСЕАН видели, что, соглашаясь с необходимостью поддержания мира и стабильности в ЮВА, Пекин хочет осуществить это не путем нейтрализации региона, а путем создания сложного многополюсного баланса сил, где Китай выступал бы в качестве единственного арбитра.

В этой связи представляется вполне естественной реакция Ассоциации на призыв министра иностранных дел КНР Хуан Хуа создать «единый фронт КНР — АСЕАН». Ассоциация отвергла это предложение, подчеркнув, что нужно проявлять осторожность и реализм в двусторонних отношениях.

Известие об американо-китайской договоренности установить дипломатические отношения было встречено в ряде столиц Юго-Восточной Азии со «смешанными чувствами». Страны АСЕАН выражали озабоченность относительно последствий поддержки Пекина в его конфронтации против СРВ и СССР.

В августе 1978 г. объединенный Вьетнам был принят в Совет экономической взаимопомощи, а в ноябре того же года Ханой заключил договор о дружбе и сотрудничестве с Советским Союзом. Таким образом, советско-вьетнамский альянс стал укрепляться. Пекин прилагал все усилия для того, чтобы склонить членов АСЕАН на свою сторону. Так, вскоре после подписания 3 ноября советско-вьетнамского договора о дружбе и сотрудничестве в ЮВА с визитами поспешил заместитель премьер-министра Госсовета КНР Дэн Сяопин. Он стремился внушить таиландскому правительству, что у Вьетнама и СССР имеются агрессивные замыслы как против Китая, так и против Таиланда.

Заинтересованность КНР и АСЕАН в сотрудничестве особенно усилилась после того, как в 1979 г. режим Пол Пота был свергнут войсками СРВ и была образована Народная Республика Кампучия, заключившая с СРВ союз-

ный договор. Он предусматривал нахождение там вьетнамских войск, что означало усиление влияния в регионе СССР и СРВ, это вызывало обеспокоенность у АСЕАН и особенно у КНР.

Китай стал претендовать на роль регионального полицейского. Он требовал призвать к порядку «малого гегемона» (Вьетнам), опиравшегося на поддержку «большого гегемона» (СССР), хотел «наказать Вьетнам». 17 февраля 1979 г. китайские войска двинулись на территорию Вьетнама и вели там бои до 16 марта 1979 г., после чего китайское руководство отдало приказ об их выводе.

«Камбоджийская проблема», а в более широком смысле проблема взаимоотношений КНР и стран АСЕАН с государствами Восточного Индокитая вышла в 80-е годы на первый план в китайско-асеановских отношениях. Таиланд и Сингапур отнеслись к китайской акции с одобрением, о чем весьма красноречиво свидетельствовало заявление премьер-министра Сингапура Ли Куан Ю в интервью журналу «Ю. С. Ньюс энд Уорлд Репорт»: «...если бы Китай не «проучил» Вьетнам за то, что тот вторгся в Камбоджу... положение для Таиланда и для всей Юго-Восточной Азии стало бы катастрофическим». Выражая беспокойство по поводу возможности разрастания конфликта и расплзания его на территорию Таиланда, а также вмешательства в него других держав, некоторые асеановские лидеры высказывали и мнение о том, что АСЕАН может иметь определенные выгоды от конфронтации КНР и СРВ.

Правящие круги АСЕАН крайне опасались революционного влияния, которое оказывали Вьетнам, Лаос, а теперь еще и Камбоджа, приближая коммунизм вплотную к ее границам, а Пекин опасался, что это будет просоветский коммунизм.

Формально страны Ассоциации довольно вяло отреагировали на военные действия Китая против малой страны, официально заявив, что в интересах «стабильности» в регионе они не делают различия между конфликтующими сторонами, не поддерживают и не обвиняют ни ту ни другую. В документе, распространенном ими в Совете Безопасности ООН, содержался лишь сформулированный в общих фразах призыв вывести из Индокитая «все иностранные войска», а «конфликтующим сторонам» прекратить враждебные действия.

Реально же в основе такого подхода лежало, очевидно, стремление не мешать «наказанию» и ослаблению Вьетнама. Правящие круги стран Ассоциации устраивало такое положение, когда два в равной мере чуждые им социально и идеологически государства были поглощены взаимной борьбой, вынуждавшей их обращаться за поддержкой или сочувствием к АСЕАН. В целом китайско-вьетнамский вооруженный конфликт 1979 г. продемонстрировал устойчивость сложившихся асеанокитайских отношений, скрепленных общим неприятием военного присутствия СРВ в Камбодже, а затем и советского в Афганистане.

Обострение китайско-вьетнамских отношений вынуждало Пекин в его региональной политике опираться на некоторые страны — члены АСЕАН. Так, в январе 1979 г. Хуа Гофэн призвал Таиланд «сотрудничать с Китаем перед лицом вьетнамской «агрессии». Однако независимо от того, как Таиланд собирался строить свои отношения с Пекином (Бангкок рассматривался как своего рода «окно Китая в страны АСЕАН»), другие члены Ассоциации не хотели становиться близкими друзьями КНР, отвергали его патронаж.

В правящих кругах АСЕАН предпринимались попытки добиться от Пекина более гибкого подхода к «вопросу о Кампучии», в том числе отказа от материальной и моральной поддержки красных кхмеров и готовности признать любой режим, который «получит поддержку народа».

Пекин отказался от своей жесткой позиции по Кампучии и принял асеановскую идею «третьего пути» или создания «коалиционного правительства Демократической Кампучии», которое было сформировано летом 1982 г. во главе с принцем Нородомом Сиануком и базировалось в Пекине. АСЕАН тоже пошла навстречу Пекину, согласившись на вхождение в состав этого правительства группировки красных кхмеров. Красные кхмеры, не вызвавшие доверия ни у АСЕАН, ни у своих союзников по коалиции, были включены в коалиционное правительство в качестве уступки Китаю, а также потому, что остались единственной

боеспособной силой, которая могла создать хотя бы видимость движения сопротивления внутри страны.

Если до весны 1983 г. Китай поставлял оружие только красным кхмерам, то с мая 1984 г. стал направлять вооружение и другим силам, входившим в «коалицию», по-прежнему отдавая предпочтение полпотовцам. Поэтому АСЕАН старалась не выпустить из своих рук инициативу в решении проблем региона. Индонезия, Малайзия и Филиппины не оказывали ему военной помощи, делая ставку лишь на мирное урегулирование. Кроме того, Джакарта по-прежнему не шла на восстановление дипломатических отношений с КНР и выступала в качестве представителя АСЕАН в отношениях с Ханоем.

Не случайно 2 сентября 1987 г. министр иностранных дел Индонезии Кусумаатмаджа упрекнул Пекин в том, что он рассматривает «камбоджийскую проблему» в сугубо антивьетнамском и антисоветском разрезе, не заботясь о «судьбе многострадального камбоджийского народа». Непримиримая антивьетнамская позиция не могла стать основой долгосрочного сотрудничества Китая со странами АСЕАН. К тому же реальные цели сторон были различны, так как АСЕАН стремилась в первую очередь к «декоммунизации», т. е. недопущению распространения влияния КНР или СРВ в Камбодже, а Китай — к «девьетнамизации» Камбоджи и восстановлению своего влияния там с помощью полпотовской группировки.

Пекин, продолжая придерживаться жесткой позиции в отношении Вьетнама и НРК, не исключал и компромиссного подхода к урегулированию этой проблемы. В марте 1986 г. три камбоджийских фракции коалиционного правительства Демократической Кампучии выдвинули в Пекине «План из 8 пунктов», касавшийся политического разрешения проблемы. Главное требование плана — вывод вьетнамских войск из Камбоджи под наблюдением ООН, а также прекращение огня и создание четырехстороннего коалиционного правительства, т. е. из состава трех оппозиционных групп и правительства НРК. Во второй половине 80-х годов становилось все более очевидным, что этот план

Сианука, обнародованный с согласия руководства Китая, становится реальной основой для компромисса между кхмерскими фракциями. Он получил одобрение стран АСЕАН и Запада.

В преддверье урегулирования «камбоджийской проблемы» Пекин продолжал наращивать усилия по созданию атмосферы взаимного доверия с членами Ассоциации. Осенью 1988 г. во время визита в Таиланд премьера Госсовета КНР Ли Пэна были изложены основы китайского курса в ЮВА в посткамбоджийский период. Согласно заявлению Ли Пэна Китай намерен неукоснительно следовать принципу невмешательства во внутренние дела других государств, он не только не стремится ни в настоящее время, ни в будущем к статусу сверхдержавы, но более того, намерен бороться с любой попыткой установления чьей бы то ни было гегемонии в регионе.

Отношения между Китаем и АСЕАН окончательно укрепились на рубеже 90-х годов, когда КНР удалось нормализовать отношения с ведущей страной ЮВА — Индонезией. Поворотным моментом в контактах между Пекином и Джакартой стала встреча в Токио президента Сухарто и министра иностранных дел Китая Цянь Цичэня на похоронах японского императора Хирохито в феврале 1989 г., в ходе которой была достигнута договоренность о восстановлении дипломатических отношений.

Решающую роль в качественном сдвиге в отношениях двух крупнейших азиатских государств сыграли позитивные изменения в международной обстановке. Однако существенную роль играли и другие факторы. Так, индонезийская сторона учитывала, что две встречи по Камбодже, организованные Джакартой, могли бы иметь большой успех при наличии дипломатических отношений с Пекином. Особого внимания заслуживает реакция стран АСЕАН на трагические события 4 июня 1989 г. — жестокий разгон массовых выступлений молодежи на площади Тяньаньмэнь в Пекине, расцененных официальной пропагандой КНР как контрреволюционный мятеж.

Дипломатия Китая вслед за событиями 4 июня оказалась в международной изоляции: последовали санкции со стороны США, других стран Запада и Японии, которые были вве-

дене уже на следующий день после кровавых событий, в то время как правительственные круги АСЕАН проявили крайнюю сдержанность, расценив это событие как внутреннее дело Китая. Пекин в свою очередь поддержал позицию стран АСЕАН об особом, «азиатском» характере демократии в ЮВА. В целом внутривосточный кризис в Китае в 1989 г. не оказал сколько-нибудь существенного влияния на общее состояние отношений КНР с асеановскими государствами.

Доказательством этого может служить достигнутая в начале июля 1990 г. официальная договоренность о восстановлении с 8 августа дипломатических отношений между Китаем и Индонезией. По этому случаю премьер Госсовета КНР Ли Пэн в августе 1990 г. посетил Джакарту, а в ноябре состоялся визит в Пекин президента Индонезии Сухарто. Это способствовало установлению дипломатических отношений с КНР Сингапуром и Брунеем.

Анализ дипломатической деятельности КНР и АСЕАН вокруг «камбоджийской проблемы» позволяет сделать вывод о том, что Китаю удалось доказать, что без сотрудничества с ним достичь определенной стабильности в Индокитае невозможно.

В ноябре 1991 г. именно в Пекине была проведена первая сессия Высшего национального совета Камбоджи с участием лидеров всех четырех задействованных камбоджийских сторон, давшая импульс подготовке проведения выборов в стране. Китай, представленный на сессии премьером Госсовета Ли Пэном, мягко дистанцировался от односторонней поддержки красных кхмеров. Пекин заявил, что его камбоджийская политика отныне будет придерживаться парижских соглашений по Камбодже (ноябрь 1991 г.). Разработка асеановцами новой системы отношений с Пекином, задержанная периодом холодной войны, когда военное присутствие США обеспечивало стратегическое равновесие, стала насущно необходимой в начале 90-х годов.

Министр иностранных дел Малайзии Абдулла Ахмад Бадави подчеркивал, что самое важное для них — получить от Китая твердые гарантии того, что он не будет добиваться ге-

гомонии и будет проводить политику, направленную на сохранение в регионе мира и стабильности.

С начала 90-х годов количественно и качественно изменились отношения между КНР и АСЕАН. К июлю 1991 г. Китай получил статус наблюдателя, в 1994 г. он впервые участвовал в ежегодной конференции министров иностранных дел стран АСЕАН уже в качестве партнера Ассоциации по консультациям, а также в первом Асеановском региональном форуме (АРФ) по безопасности. С 1995 г. по инициативе КНР проводятся ежегодные консультации с АСЕАН по вопросам политики и безопасности на уровне заместителей министров иностранных дел. На конференции глав внешнеполитических ведомств стран АСЕАН в Джакарте летом 1996 г. Китай стал полноправным партнером Ассоциации по диалогу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ На картах, изданных в Китае в 1979 г., Таиланд, Малайзия и Бирма помечены как входящие в состав КНР.

² В 1967 г. военное правительство Индонезии «заморозило» дипломатические отношения с КНР, обвинив Пекин во вмешательстве во внутренние дела во время событий 30 сентября 1965 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Малетин, Н. П. (1999) АСЕАН: три десятилетия внешней политики (1967–1997). М.
Yahuda, M. (1986) *The China Threat*. Kuala Lumpur.

ASEAN — CHINA: FROM THE CONFRONTATION TO DIALOGUE PARTNERSHIP (1967–1991)

E. S. Zhuravleva
(Moscow University for the Humanities)

The article restores the chronology of the troublesome relations between China and the Association of Southeast Asian Nations over the 1967 to the beginning of the 1990s period.

Keywords: the People's Republic of China, ASEAN, international relations, international politics, confrontation, partnership.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

- Maletin, N. P. (1999) *ASEAN: tri desiatiletia vnesheii politiki (1967–1997)*. M.
Yahuda, M. (1986) *The China Threat*. Kuala Lumpur.